

династии среди населения греческих городов. Во-первых, этот вывод — субъективный тезис В. Тарна, мало подкрепленный документальными материалами, которые с тем же успехом позволяют Джонсу утверждать прямо противоположное; во-вторых, те соображения, которые приводит, например, М. Ростовцев в поддержку этого тезиса, в свою очередь, еще нуждаются в доказательствах.

Необходимо в связи с этим поставить еще один вопрос. В литературе широко распространено мнение о Селевкидском государстве как об очень рыхлом конгломерате различных социальных и этнических образований, объединенных только личностью монарха, связь которого с этими образованиями имела в основном персональный характер. Не отвергая в целом этого тезиса, мы тем не менее должны будем поставить вопрос: каким образом данная форма государственности сосуществовала с объединительной функцией греческих полисов?

II. Не подлежит сомнению, что восточноэллинистические полисы (как, впрочем, и старые греческие города) находились под контролем центрального правительства. В этом отношении все исследователи практически единодушны. Споры идут только о мере этой зависимости, формах контроля, о тех последствиях, к которым это приводило, как для самих полисов, так и для государства в целом. Однако нерешенным остается более важный вопрос — определялись ли эта зависимость и контроль какой-либо юридической, правовой формой или ситуация объяснялась только грубым неравенством сил, грубым произволом центральной власти, не имевшим никакого правового оформления. Если мы ответим утвердительно на вопрос о правовой форме подчинения греческих полисов центральному правительству, то, естественно, встанет следующий вопрос — имела ли эта правовая форма какое-либо реальное социальное содержание?

Таким образом, суммируя все поставленные вопросы, мы можем свести их к одному — существовали ли социальные формы связи между новыми греческими полисами и центральной властью в Селевкидском государстве? Ответ на этот основной вопрос позволит найти решения и других вытекающих из него вопросов.

При всей скудости имеющихся документальных материалов, все же есть, как нам кажется, возможность ответить на этот вопрос. Наиболее показательны в этом отношении материалы Дура-Европоса. В частности, при раскопках был обнаружен пергамент II в. до н. э., в котором упоминается ряд сделок. Не касаясь всего содержания документа, отметим только моменты, интересные для нашей темы. Сделки заключаются гражданами города, а объектом их является земля. Самым важным представляется то, что в Дура-Европосе II в. до н. э. земля делилась на клеры. Было высказано кажущееся очень вероятным и принятое практически всеми исследователями предположение, что упомянутый в документе клер Конона назывался так по своему первому держателю. Слово *ἐκός* остается не совсем ясным. Видимо, можно принять предположение, что этот термин обозначал объединение нескольких клеров¹.

Не подлежит сомнению, что употребление термина «клер» совсем не случайно, и, как выразился последний издатель документа Уэллз, этот термин «порождает военные ассоциации». Более подробно эту мысль развивали другие исследователи, которые подчеркивали, что термин «клер» в эллинистическое время, как правило, обозначал участок земли, даваемый царем в обмен на обязательство военной службы. Некоторые авторы отмечают отчуждаемость части клера², что, однако, не является решающим обстоятельством, ибо все сделки происходят внутри гражданского коллектива, что должно означать, что обязательства, связанные с этим участком земли, только меняют свою принадлежность, но отнюдь не утрачиваются³.

Необходимо также отметить еще два обстоятельства: сделки совершались в соответствии с определенным законом, и, насколько

¹ В. Тарн подчеркнул, что подобное явление не должно иметь ничего общего с родовой собственностью.

² На основании этого Ф. Кюмон делал вывод о постепенной утрате связи между правом владения клером и обязательством военной службы.

³ Тарн считал, что, например, в тех случаях, когда клер переходил к женщине, она должна была представить мужчину для царской армии. Э. Бикерман подчеркивал, что при всех обстоятельствах клер всегда оставался кадастровой единицей.

можно судить по описанию той части клера, которая являлась объектом сделки, в целом клер имел достаточно большие размеры¹.

Наконец, необходимо остановиться еще на одном факте: обычно считается, что распределение земли по клерам в Дура-Европосе — следствие того факта, что данный город был первоначально основан как македонская военная колония. Однако было доказано, что Дура-Европос с самого начала был создан как полис и никогда военной колонией не был. К принципиальному значению этого факта мы вернемся позднее, сейчас же только отметим, что и в полисе, каковым являлся Дура-Европос, граждане обладали участками земли, носившими название клеров, что позволяет ставить вопрос об обязательствах военной службы, связанных с владением этими клерами.

Более определенный ответ на этот вопрос дает другой документ, также найденный в Дура-Европосе — «закон о наследовании» (D. Pg. 5), хотя дошедший текст является документом, датированным 225–250 гг. н. э., сам закон, из которого сделан эксцерпт, безусловно, восходит к эллинистическому времени и может считаться, как это показал еще Б. Оссулье, частью первоначальной конституции полиса. Закон определяет право наследования в том случае, когда у умершего гражданина нет прямых наследников. Наиболее интересное и важное для нашей темы заключается в том, что, когда отсутствуют строго оговоренные в законе категории родственников, имущество (в первую очередь земельный участок) переходит в собственность царя².

Еще Б. Оссулье отмечал, что некоторыми своими чертами и особенно формулировками «закон о наследовании» Дура-Европоса удивительно напоминает афинские законы IV в. до н. э., что, без-

¹ Отметим, что Уэллз вопреки всякой логике переводит в данном месте слово *ἐποίκιον*, означающее «поселение», «деревня» (что и сам отмечает, ссылаясь на аналогии в документах эллинистического времени из Египта), как *isolated farm complex* или *manor house with associated buildings*. Отметим, что сам Уэллз полагает, что при основании Дура-Европоса поселенцы получили достаточное количество земли и местных жителей.

² Этот вывод поддерживают все исследователи, изучавшие данный документ.

условно, указывает на его греческое происхождение. Но в то же время все исследователи единодушно подчеркивают его своеобразие, резко отличающее этот закон от аналогичных правовых норм классических полисов, — переход имущества не в руки гражданской общины, а царю¹.

Естественно, встает вопрос — чем объясняются эти отличия? Ф. Кюмон полагал, что это своеобразие может быть рационально объяснено только следующим образом: если признать, что подобного характера ограничение было введено в момент создания Селевком I поселения в виде военной колонии. Эти условия, естественно, увязываются с общеэллинистической концепцией — владение участком земли (клером) с обязательством взамен военной службы царю и возвращением клера (в случае отсутствия родственников строго оговоренных категорий) в состав $\gamma\eta$ βασιλική.

Эта концепция действительно очень логично объясняет ситуацию, но у нее есть один чрезвычайно слабый пункт. Прежде всего Дура-Европос, как отмечалось выше, основывался именно как полис, а не как военная колония. Кроме того, если даже Дура-Европос — первоначально военная колония, только позднее ставшая полисом, все равно принципиально картина не меняется. Селевкидский полис наследует от военной колонии по крайней мере одну черту, достаточно сильно отличающую его от классического полиса, — ограничение в одной из самых существенных сфер своего функционирования. Кроме того, исходя из редакции закона, можно думать, что конструкция полиса была не актом творчества граждан, а вводилась царским указом.

Сопоставив данные этих двух документов, можно достаточно уверенно говорить о том, что в Дура-Европосе мы сталкиваемся с ситуацией, достаточно сильно отличающейся от той, которая была характерна для классического полиса. Земельная собственность гражданина была условной, ограниченной в нескольких отношениях.

¹ Отмечается также еще одна особенность — в законах полисов классического времени круг родственников, обладающих правом наследования, значительно шире.

Таким образом, весьма значительно меняется характер самого полиса, ибо видоизменяются лежащие в его основе отношения собственности. Это явление, с нашей точки зрения, может быть объяснено следующим образом. Конечно, нельзя говорить о полном отмирании античной формы собственности. По-прежнему существует гражданский коллектив, и только принадлежность к нему дает право на земельную собственность в хоре. Но сам полис в условиях восточноэллинистической государственности уже не является самодовлеющим социальным организмом. Над полисом стоял монарх, которому, судя по «закону о наследовании» Дура-Европоса, принадлежало верховное право собственности на землю. Видимо, в основе верховной собственности царя лежало право завоевания, земля принадлежала царю, поскольку она была «завоевана копьем»¹. Исходя из материалов Дура-Европоса, можно думать, что создание полиса в Селевкидском государстве не означало полного перехода права собственности к вновь основанному полису, как это иногда предполагается², а означало условное владение полисным коллективом определенной территорией, взамен чего полис был обязан военной службой царю. Конечно, здесь имеется в виду теоретический аспект без учета тех многочисленных нюансов, которые могли возникнуть в каждом отдельном случае.

Таким образом, отношения, существовавшие в полисе, с одной стороны, сохранялись, ибо для полиса характерно, что право собственности на землю было связано с обязанностью и правом военной службы, но теперь эти отношения не замыкались внутри полисного коллектива, как раньше, а включали верховного собственника зем-

¹ См.: Polyb. XVIII. 51. 4: δορίκτητα. То же самое было характерно и для Птолемея (Diod. XVIII. 43. 1: δορίκτητος). Вообще, видимо, само наличие этого принципа вряд ли может вызывать сомнения, хотя, как показала Е. С. Голубцова, в некоторых случаях принцип верховной собственности царя на землю не был столь безусловным, как это обычно представляется.

² Например: П. Левек, видевший в этом причину финансового оскудения царства Селевкидов. В. Тарн полагал, что существовала принципиальная разница между военной колонией и полисом. В отношении колонии царь сохранял право верховной собственности, а при основании полиса уступал это право ему. Однако ссылка В. Тарна на материалы Дура-Европоса, как мы видим, выглядит несостоятельной.

ли — царя. В этом можно видеть одно из принципиальных отличий восточноэллинистического полиса от полиса классического. В этом же — принципиальное сходство данного типа полиса с военной колонией. Однако это сходство не следует преувеличивать, ибо в случае с военными колониями двумя сторонами в соглашении выступали царь и отдельно взятый клерух, во втором же случае — царь и гражданская община полиса. В. Тарн, конечно, был глубоко прав, когда подчеркивал, что «клер — это всегда клер» и ко всякому владельцу его вместе с правом владения переходят и обязанности военной службы. Однако его концепция вырастания полиса из военной колонии приводит его к утверждению, с которым согласиться нельзя, — о том, что внутри полисных коллективов существовали группы людей, бывших одновременно и гражданами, и клерухами. Нам представляется (на основании того, что «закон о наследовании» в Дура-Европосе имел всеобщий, обязательный для всего гражданского коллектива характер), что ситуация была иной — своего рода коллективным клерухом выступал полис в целом, весь гражданский коллектив. Ближе к истине взгляды М. Лоней, считавшего, что взаимоотношения между центральным правительством и вновь основанным полисом оформлялись договором, и одной из сторон выступал в этом договоре именно гражданский коллектив в целом. В силу этого правительство вынуждено было рассматривать полисную территорию не как сумму отдельных клеров¹, а как некоторое единство, и должно было иметь дело не с отдельной личностью, а с коллективом, что ставило в определенные рамки верховную власть в ее отношениях с греческими (и македонскими) подданными², являющимися гражданами полисов³.

¹ Так определяет ситуацию, например, М. Ростовцев, который полагал, что полис, подобный Дура-Европосу, должен был, с военной точки зрения, рассматриваться как катойкия.

² Конечно, при этом необходимо иметь в виду не только правовой аспект, но и реальный характер договорных отношений, возникавших между государством и гражданским коллективом. О характере договоров между царем и подданными в эллинистическую эпоху см. в книге К. К. Зельина и М. К. Трофимовой.

³ К сходным выводам приходит Э. Бикерман, однако основное различие наших позиций заключается в том, что он распространяет этот вывод только на военные колонии, в результате чего его позиция становится внутренне проти-

Безусловно, описанная выше ситуация возникла благодаря тому, что процесс основания новых городов на Востоке развивался не стихийно, а направлялся и регулировался селевкидским правительством.

Акт основания полиса был актом центрального правительства, предоставлявшего землю и средства для новых поселенцев¹.

В связи с этим необходимо отметить также и следующее: даже в старых греческих полисах Малой Азии можно наблюдать процесс внедрения военных поселенцев — катойков — в состав граждан. Об этом, в частности, свидетельствует договор между Смирной и Магнесией (OGIS, N 229) времени Селевка II Каллиника, в котором говорится, что катойки получают политию — одинаковую и подобную правам всех других граждан этих полисов с тем только (имеющим, с нашей точки зрения, принципиальное значение) ограничением, что это право предоставляется только лицам, являвшимся свободными и эллинами. Особенно показательно было сохранение их учета по лохам, что указывает и на сохранение их военного статуса.

Нет оснований считать, что Дура-Европос являлся каким-то исключением из правил. В современной науке уже давно установилось единое мнение, что этот полис в принципе ничем не отличался от остальных полисов, основанных Селевкидами на обширных территориях Востока. Насколько можно судить по материалам (хотя и незначительным) из Суз (Селевкия на Эвлее), здесь существовала такая же система, как и в Дура-Европосе. Важнейшим документом, подтверждающим это, является надпись в честь парфянского сатрапа Сузианы Замаспа, датируемая обычно 1/2 г. н. э. (SEG, VII, 13). Анализ данной надписи (рассказывающей об ирригационных

воречивой: придя к положению о зависимости права владения клером от обязанности военной службы, он в дальнейшем совершенно отрицает вхождение контингентов из греческих городов в селевкидскую армию.

¹ Эту мысль особенно подчеркивает Э. Бикерман, приводящий обильный материал источников в поддержку этого тезиса. Особенно интересны сообщения авторов, в которых говорится о том или ином царе как об основателе города. См., например: Amm. Marcell. XIV. 8. 5, где говорится, что Селевк I «abusus enim multitudiane hominum quam tranquillis in rebus diutius rexit, ex agrestibus habitaculis urbes construxit multis opibus firmas et viribus».

работах, осуществленных Замаспом, благодаря которым вновь стали плодородными клеры («охранников» акрополя Суз) был проведен Ф. Кюмоном. Этот анализ доказал, что земельная система Суз имела много общего с земельной системой Дура-Европосе¹. Ф. Кюмон пришел к следующим выводам: в селевкидскую эпоху (при Селевке I) македонские военные колонисты, поселенные здесь, были наделены клерами, за что были обязаны военной службой царю (в частности, им вменялась охрана акрополя Суз). Эта ситуация сохранялась и при парфянах, хотя за прошедшие годы произошло одно серьезное изменение — Сузы стали полисом, а македонские колонисты — его гражданами. Однако связь между их правом владения участком и обязательством военной службы сохранялась, и статуя с посвящением воздвигнута именно этими «солдатами-гражданами». С выводами Ф. Кюмона полностью согласился В. Тарн, считавший, что среди граждан полиса определенный процент составляли те, кто одновременно оставались клерухами. Эту картину, близкую, но не идентичную Дура-Европосу, уточнил Ж. Ле Риде, показавший, что здесь имеется в виду не определенная категория внутри гражданского коллектива, а весь коллектив в целом. Тем самым соответствие «клерух — гражданин» свойственно не отдельным гражданам внутри него, а распространяется целиком на всю гражданскую общину.

Таким образом, земельная система Суз оказывается полностью аналогичной земельной системе Дура-Европоса².

Есть все основания полагать: именно такие принципы определяли земельную систему и в остальных новых городах Селевкидского государства. Во всяком случае, имеются данные источников, которые могут быть интерпретированы именно таким образом. К числу их, в частности, относится известное упоминание Юлиана Апостата

¹ С этим выводом согласился и М. Ростовцев.

² Предположение Э. Бикермана относительно того, что упомянутые в надписи *φρουροί* являются солдатами действительной службы, составляющими гарнизон города, и каждый из них имеет «феод», вряд ли можно принять. Собранный и тщательно проанализированный им самим материал показывает, что в селевкидской армии не существовало подобной системы гарнизонной службы.

о 10 000 клерах в Антиохии на Оронте (Julian. Misop. 326C; cf. 370D), которое, видимо, должно интерпретироваться в том же духе, что и свидетельства о клерах в Дура-Европосе и в Сузах. То же самое, видимо, можно сказать и о свидетельстве Полибия¹ о 6000 ελεύθεροι в Селевкии и Пиерии в 219 г. до н. э. (при общей численности населения в 30 000 человек). Видимо, точно так же должны быть истолкованы и свидетельства ценза Апамеи.

Таким образом, при всей скудости данных есть основания полагать, что эта система земельных отношений была широко распространена в Селевкидском государстве и была правилом для всех новых полисов, основанных Селевкидами.

Однако, кроме этих свидетельств, можно привлечь и другую категорию данных — упоминания граждан греческих полисов в составе селевкидской армии. Они тем более важны, что эти упоминания, как правило, носят случайный, непредумышленный характер. Обычно в сообщениях авторов о селевкидской армии эта сторона вопроса их не интересует, но тем более ценны эти свидетельства. Так, во время известного военного парада в Дафне среди прочих воинских частей упоминается отряд из 3000 всадников-граждан². Во время бурных событий царствования Деметрия II царь с помощью наемников разоружает граждан Антиохии (Diod. XXXIII. 3. 2; Joseph. Ant. XIII. 5. 3). Вооруженные силы отдельных городов упоминаются в связи гражданской войны между Апамеей и Лариссой (Posidon. 87, fr. 2 — Athen., 176 b). О войсках отдельных полисов Сирии в связи с войнами Маккавеев неоднократно говорится у Иосифа Флавия. В частности, упоминаются вооруженные силы Птолемаиды (Joseph. Ant. XII. 8. 1 и 6; XIII. 12. 2), Тира и Сидона (Ibid. XII. 8. 1). В составе армии Деметрия III зафиксированы граждане Антиохии (Ibid. XIII. 14. 3). Очень показательны также сведения авторов о той реакции, которую в полисах Сирии вызвало сообщение о поражении Антиоха VII Сидета в Мидии, не оставляющие сомнения

¹ Polyb. V. 61. 1.

² Polyb. XXXI. 3. 6. Отметим, что вопреки обычному взгляду из данного сообщения Полибия отнюдь не следует, что это были именно граждане Антиохии.

о том, что в армии этого селевкидского царя значительный процент составляли граждане городов. Совершенно бесспорные данные содержатся в I книге Маккавеев, где говорится о том, что один из селевкидских военачальников командовал отрядом, составленным из граждан полисов (10, 71; почти то же самое и у Иосифа Флавия, XIII, 4, 3). Некоторый материал предоставляет и эпиграфика. Благодаря исследованию М. Лонея, в частности, стало ясно, что два надгробия, найденные в Сидоне, в которых упоминаются οὐμναχοῦς из писидийских полисов, являются надгробиями граждан этих полисов, служивших в селевкидской армии¹.

С нашей точки зрения, эти факты позволяют думать, что контингенты греческих полисов были широко представлены в армии Селевкидов, и это, в свою очередь, подтверждает те выводы, которые были сделаны выше на основании материалов из Дура-Европоса и Суз относительно характера земельных отношений в новых полисах и связи этой системы с обязательствами военной службы царю.

Однако Э. Бикерман, привлекавший значительную часть приведенных выше материалов в главе «Армия» своего широкоизвестного исследования о Селевкидском государстве, тем не менее очень решительно выступил против тезиса о том, что селевкидская армия частично формировалась за счет граждан полисов. Хотя сам приведенный выше материал достаточно красноречив и наглядно опровергает положения, высказываемые Э. Бикерманом, все же мы считаем необходимым хотя бы кратко остановиться на системе его аргументации. Первый аргумент: ни в одном из сообщений источников, основанных на официальных документах, в которых дается описание состава армии Селевкидов (следует ссылка на свидетельства о битве при Рафии, при Магнезии, войне против Молона), никогда не называются отряды, состоящие из граждан полисов. Не говоря уже об опасности аргументов *ex silentio*, отметим, что этот вывод не-

¹ Необходимо отметить, что имеются свидетельства, которые указывают на то, что даже старые греческие полисы Малой Азии вынуждены были иногда посылать отряды своих граждан в состав селевкидской армии. Так, одна из милетских надписей сообщает об отряде из граждан этого города, сражавшемся при Селевке I где-то, видимо, в верхних сатрапиях.

Оверен хотя бы потому, что в описании парада в Дафне граждане-воины присутствуют, а это описание, без сомнения, не менее документально, чем описание битв¹. Во-вторых, видимо, можно допустить, что в принципе отряды из граждан специально не формировались, и поскольку гражданин одновременно был и катойком, на них распространялась общая система призыва в армию и они, как правило, входили в обычные формирования селевкидской армии².

Второй аргумент состоит в том, что ни в одной из надписей селевкидского времени, в которых говорится о различных привилегиях городов, никогда не упоминается об освобождении от набора солдат. По этому поводу необходимо, во-первых, сказать, что число этих надписей в общем очень невелико. Во-вторых, почти все они происходят из западной Малой Азии, где находились греческие города, характер взаимоотношений которых с Селевкидским государством, как отмечалось выше, имел совсем иной правовой аспект, и поэтому использовать материалы этих полисов для решения данной проблемы неправомерно. Наконец, возможно еще и такое объяснение — Селевкиды никогда не давали городам привилегий, освобождавших их от обязанностей поставлять воинов в царскую армию, что было

¹ Можно также отметить, что в описании битвы при Рафии в числе отдельных соединений армии Антиоха III (Polyb. V. 79. 4, 5) упоминаются воины из различных греческих городов царства Селевкидов. К тому же они отличаются от собственно фаланги. Их особенностью являлись серебряные щиты. Вновь это соединение появляется и в описании парада в Дафне (Polyb. XXXI. 3. 5).

² Сошлемся, например, на свидетельства, собранные у М. Лоней о гражданах городов, одновременно являвшихся «македонянами». Некоторым подтверждением этому могут служить сообщения Полибия о мятеже Милона (см.: Polyb. V. 41. 8; 43. 5; 46. 8; 51. 8), в которых смешиваются понятия «войско» и «население». Очень показательна также судьба войска Милона после окончательного поражения мятежа (Polyb. V. 54. 8) — оно отводится новыми, назначенными Антиохом командирами снова в Мидию. Данный факт также, с нашей точки зрения, позволяет полагать, что войско состояло главным образом из жителей греческих городов Мидии, ибо в противном случае (если бы это были регулярные части, никак не связанные с Мидией) подобный шаг центрального правительства был бы полностью лишен всякого смысла, особенно если мы учтем непрерывные войны, которые пришлось вести Антиоху III, и его постоянную потребность в военных контингентах.

бы и естественно, учитывая постоянную потребность всех эллинистических государств в воинских силах¹.

Следующий аргумент построен таким образом: основной силой селевкидской армии являлась фаланга — «национальный» вид вооруженных сил македонян. Цари не могли привлекать для службы в фаланге жителей городов, если даже их предки были македонянами, ибо, вступая в качестве гражданина в коллектив вновь основанного полиса, македонянин (как и всякий другой) терял свой «старый этнос и приобретал новый». Однако в эллинистическое время это правило постепенно теряло свою силу. Кроме того, можно сослаться также на отмеченные выше данные, собранные М. Лонеем, относительно граждан полисов, одновременно продолжавших оставаться «македонянами». Наконец, нужно указать и на пример Дура-Европоса, где членство в гражданском коллективе не мешало представителям ряда влиятельных фамилий города считать себя македонянами².

Последним аргументом Э. Бикермана является утверждение, что превращение македонянина в гражданина полиса приводило к тому, что он был потерян для царской военной службы, ибо идея суверенитета полиса исключала возможность мобилизации граждан. Полис только в исключительных случаях посылал вспомогательные отряды, но не давал рекрутов, призываемых индивидуально. Очень трудно согласиться с этим аргументом. Сам Э. Бикерман очень ярко показал, что о суверенитете полиса в эллинистическое время даже

¹ Можно сослаться, например, на описание состава армии Селевкидов в битве при Рафии (Polyb. V. 79. 4, 5), где перечислено большое количество отрядов из различных «варварских» народов, входивших в состав государства. Невозможно допустить, чтобы в такой ситуации единственно греки — одна из важнейших опор Селевкидской династии — исключались из состава регулярной армии.

² Необходимо также указать на то, что когда в описании армии Селевкидов упоминаются македоняне, то это совсем не означает, что эти воины были по происхождению македонянами и, согласно мнению Э. Бикермана, сохраняли свой этнос благодаря тому, что жили в самоуправляющихся военных колониях. В эллинистическое время μακεδών — технический термин для солдат кавалерии или тяжелой пехоты, вооруженных и обученных согласно македонским принципам.

в чисто теоретическом аспекте говорить очень трудно. Кроме того, приведенные выше материалы показывают, что подобная практика существовала. Таким образом, можно считать, что возражения Э. Бикермана вряд ли могут быть приняты.

В силу всего вышеизложенного мы можем утверждать, что восточноэллинистический полис представлял особое социальное образование, порожденное своеобразными условиями эллинистического государства. Продолжая оставаться полисом, он в то же время испытал серьезные изменения в очень важной сфере — сфере отношений собственности: над коллективом собственников, т. е. полисом, появляется верховный собственник земли, т. е. царь. Собственность коллектива становится условной, полис взамен полученной земли обязан военной службой царю.

В этом отношении ситуация для греческого полиса в составе эллинистического государства очень напоминает отношения, сложившиеся в Римской империи, где в принципе верховным собственником земли считался император, а город владел землей, отведенной ему императором, с условием обработки ее и выполнения различных повинностей¹.

Новые отношения собственности, породившие такой своеобразный организм, как эллинистический полис, создавали и тесные связи между греческим полисом и эллинистическим государством. Именно отношения собственности связывали город и династию, определяя место его в структуре государства². Именно этим объясняется то, что полисы в известной мере были костью Селевкидской державы, ее опорой среди огромных завоеванных территорий.

¹ Отметим, что в Римской империи, как и в государстве Селевкидов, выморочные земли граждан города отходили не к городу, а к фиску (CIL, X, 10, 1). Этим, по мысли Е. М. Штаерман, и объясняются слова Гая, что в провинциях нет ни собственности владельцев на землю, ни свободного города (Gai Instit. II. 26a), что, казалось бы, противоречит статусу ряда городов как свободных. Но, согласно римскому представлению о свободе как экономической независимости, а не только политических правах, Гай не мог считать подлинно свободными гражданские общины, сидевшие на чужой земле.

² Отметим, что нам представляется неправильным мнение Б. Функа, видящего основную связь между городом и династией в царском культе.

В тесной связи с рассмотренной проблемой находится другая — о месте в структуре государства Селевкидов иного типа городских общин. В настоящее время считается установленным, что в рамках этого государственного образования существовали городские общины, имеющие иное происхождение, нежели эллинистический полис, но близкие ему по формам организации и месту в общей структуре государства. К числу их относят финикийские города, некоторые храмовые общины Малой Азии и, наконец, вавилонские храмово-гражданские (или гражданско-храмовые) общины, наиболее известным примером которых является Урук, но которые, бесспорно, существовали также в Вавилоне, Ниппуре, Борсиппе, Куту и других центрах Междуречья. Некоторые исследователи к числу таких образований относили и иерусалимскую гражданско-храмовую общину, против чего были сделаны самые решительные возражения.

Для темы нашей работы наиболее важны вавилонские гражданско-храмовые общины эллинистического времени, исследованные главным образом благодаря трудам Г. Х. Саркисяна. Бесспорно, они представляют собой итог длительного исторического развития. Во всяком случае, уже для новоассирийского времени (VIII—VII вв. до н. э.) имеются данные, показывающие, что Вавилон, Сиппар, Ниппур и другие города были освобождены от мобилизаций, от воинской и строительной повинностей, от налога в пользу ассирийских храмов. Территория их считалась особой землей в пределах государства. Привилегированные города, представлявшие как бы государство в государстве, имели и соответствующую внутреннюю организацию и органы самоуправления: сенат, совет или народное собрание. И. М. Дьяконов даже приходит к выводу, что «мы имеем здесь дело, внутри ассирийской державы, с полисами, может быть, и не настоящего античного типа, но, во всяком случае, близкими по типу к полисам эллинистических монархий».

Изучавший эллинистический период Г. Х. Саркисян приходит к следующим выводам. В Вавилонии к началу данного периода сложился тип городской общины, образовавшейся в результате постепенного слияния персонала храмов городов с более или менее зажиточными слоями его населения. Такая община в источниках

называется «город», или «храмы», или «город людей храмов». Состав ее постоянно пополнялся новыми людьми, в том числе и греками. Храмовые должности занимали многие общинники, но далеко не все и, главное, не обязательно. Основную массу членов составляли частные лица, не находившиеся в зависимости от храмов, но так или иначе связанные с ними. Храмы производили раздачу в форме довольствия (пребенды), а граждане, по-видимому, исполняли какие-то повинности.

Пребенды, очевидно, являлись одним из древнейших институтов вавилонского храма, возникшим из чисто культовых потребностей с совершенно реальным содержанием. Для отправления ритуала существовал определенный круг лиц, а так как ритуал являлся обязанностью храма, совершаемой им от имени всего общества, то расходы по нему нес храм. Это означало, что данные люди, занятые отдельными отраслями этой деятельности, жили за счет святилища. Совершенно естественно, что с ростом частнособственнических отношений институт пребенд стал источником доходов. Со временем обладание ими сосредоточилось в руках богатой верхушки. В эллинистическое время это довольствие уже совершенно не было связано с выполнением реальных культовых функций, превратившись в один из методов распределения прибавочного продукта, созданного в храмовых хозяйствах, между гражданами — членами гражданско-храмовой общины.

Город имел самоуправление, которое было признано и санкционировано селевкидским царем. Орган управления *puḥru* — «собрание», состоявшее, по всей видимости, из наиболее влиятельных лиц общины, возглавлялось *satammu* — «настоятелем» храмов. Неизвестно, было ли оно выборным. В его компетенцию входили, видимо, только внутренние дела: вопросы земельной собственности, наемного труда, оказание почестей лицам, заслужившим их благодеяниями, некоторые судебные функции. Цари нередко дарили ему земли, вероятно, с жившим на них сельским населением, оказывали почести гражданам и преподносили дары храмам. Приписка к вавилонским городам земель, подаренных царем частным лицам, была обычным явлением, как приписка таких земель к эллинистическим полисам.

В вавилонских городах наряду с собранием, а в некоторых случаях, возможно, и над ним были поставлены царские должностные лица — эпистаты, как правило, вавилоняне.

Члены гражданско-храмовой общины пользовались определенными привилегиями. Наличие одной из них засвидетельствовано существованием особой нотариальной системы. В Вавилонии селевкидского времени существовало две нотариальные системы. Памятниками одной из них являются частные клинописные контракты, второй — глиняные буллы, которыми скреплялись не дошедшие до нас контракты, написанные на пергаменте или папирусе. Важнейшей особенностью первой системы было то, что она функционировала вне контроля царской администрации. Сделки, заключаемые таким образом, не облагались царскими сборами. Эта нотариальная система охватывала только членов гражданско-храмовой общины. Она сохранялась искусственно в этой общине потому, что члены общины были заинтересованы в ее существовании. Клинописная нотариально-правовая система была одной из отличительных черт общины, выделявших ее из остальной массы населения, и одной из ее привилегий.

Земли, расположенные вокруг города, назывались «pehatu (область) такого-то города». Они делились на три категории: 1) общинный (храмовый) фонд земель, обрабатывавшихся посредством выдачи в аренду и т. п.; 2) земли, выданные из этого фонда в бессрочное пользование на определенных условиях; вероятно, это эмфитевсис, однако в ряде пунктов он весьма сходен с частным владением; 3) земли, находившиеся в частном владении или собственности граждан.

Помимо членов общины, в самом городе и на землях, ему принадлежавших, жило население, не входившее в общину. Оно состояло из неполноправных свободных, рабов и полузависимых земледельцев. Права и привилегии, которые предоставлялись вавилонским городам, распространялись лишь на членов общины и ни в коей мере не на производителей материальных благ, эксплуатировавшихся ею.

В целом же Г. Х. Саркисян таким образом определяет природу вавилонской гражданско-храмовой общины: это был один из типов рабовладельческих коллективов, другой разновидностью которого

являлся эллинистический полис. С полисом его роднила не только общая для обоих типов городов аграрная система экономики, не только сходство в социальной структуре, но и роль его в эллинистическом государстве и характер взаимоотношений с эллинистическими царями.

Этот вывод Г. Х. Саркисяна был принят рядом исследователей (А. Г. Периханян, И. Д. Амусин, И. Ш. Шифман). Однако есть серьезные основания сомневаться в справедливости подобного вывода. Отметим прежде всего, что черты сходства, устанавливаемые между полисом и гражданско-храмовыми общинами, касаются отнюдь не самых специфических черт того или другого социального организма (наличие самоуправления, деление населения на полноправное и неполноправное, наличие двух основных категорий земли: частной и общинной). Подобные общие черты могут наблюдаться в чрезвычайно большом числе различных общинных структур.

Необходимо обратить внимание не только на черты сходства, но и на черты различия, что, как правило, не было объектом исследования. Отметим прежде всего, что вавилонская гражданско-храмовая община имела более открытый характер, чем эллинистический полис. Материалы из Дура-Европоса и Суз показывают, что до середины I в. н. э. (т. е. несколько веков спустя после гибели власти Селевкидов в этих областях) эти полисы сохраняли замкнутый, чисто эллинский характер своих гражданских коллективов. В Уруке же, который дает наиболее полную картину жизни вавилонской гражданско-храмовой общины, мы видим весьма широкое проникновение эллинов в состав ее коллектива. Кажется, что достаточным основанием для вхождения в ее состав было приобретение земельной (или иной) собственности, ранее принадлежавшей члену этого коллектива. Мы оставляем в стороне вопрос о характере организации греческого населения. Но если принять вывод А. Эймара относительно существования в Уруке греческой политевмы, то вполне естественно будет считать, что грек мог одновременно быть и членом этой политевмы, и членом урукской гражданско-храмовой общины. Возникает вопрос, почему же греки были заинтересованы во вхождении в состав этого коллектива. По всей видимости, это объясняется следующим образом: с точки зре-

ния отношений собственности, вавилонская гражданско-храмовая община находилась в более привилегированном положении, чем типичный эллинистический полис. Г. Х. Саркисян указывает, что центральное правительство было вынуждено признать право собственности общины на ее землю. Вероятно, этот вывод верен, и в таком случае приходится признать, что в этом отношении положение вавилонских городских общин было более выгодным, чем положение эллинистических полисов. Если у последних право собственности было условным, сопряженным с военными обязательствами перед центральной властью, то у вавилонских общин оно было безусловным. Именно этим и может объясняться желание эллинов войти в состав данных коллективов (как мы это видим на примере Урука), ибо с точки зрения отношений собственности земельные участки на их территории обладали более привилегированным статусом.

Можно полагать, что подобная ситуация восходит к самому началу формирования Селевкидского государства. Как известно, согласно договору, заключенному в Трипарадизе (321 г. до н. э.), Селевк получил в управление Вавилонию. Весной 315 г. до н. э. он был изгнан из своей сатрапии Антигоном и нашел убежище у Птолемея в Египте. Только в 312 г. до н. э. Селевк смог восстановить власть в своей прежней сатрапии. Чрезвычайно характерны те обстоятельства, при которых Селевку удалось это предприятие. Во время активных действий коалиции против Антигона в более западных районах Селевк получает от Птолемея небольшой отряд воинов, по Аппиану (Syg. 54) — 1000 пехотинцев и 300 всадников, по Диодору (XX. 90. 1) — 800 пехотинцев и 200 конных воинов, и с этой крайне ограниченной воинской силой овладевает Вавилонией. Древние авторы, описывавшие эти события, единодушны в том, что эта акция Селевка оказалась успешной благодаря поддержке, которую ему оказывало население Вавилонии. Об этом прямо пишет Аппиан (Syg. 54). «И со столь незначительным отрядом Селевк захватил Вавилонию, так как население радостно принимало его». Более подробны сведения Диодора. Так, сообщается (Diod. XIX. 90. 1) о надеждах Селевка на обратное завоевание, опиравшихся на «согласие», существовавшее ранее между ним и вавилонянами. Еще более подробно описывается вступление